

Алисия
Хименес
Бартлетт

*Alicia
Jiménez
Bartlett*

MUERTOS
DE PAPEL

Алисия
Хименес
Бартлетт
УБИЙСТВА
НА ФОНЕ ГЛЯНЦА

Перевод с испанского
Натальи Богомоловой

издательство **АСТ** Москва

УДК 821.134.2-312.4

ББК 84(4Исп)-44

X46

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Хименес Бартлетт, Алисия.

X46 Убийства на фоне глянца : роман / Алисия ХИМЕНЕС БАРТЛЕТТ ; пер. с исп. Н. БОГОМОЛОВОЙ. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-17-099679-7

Почти одновременно происходят два убийства: первая жертва — молодая любовница министра, вторая — знаменитый журналист, автор глянцевого журнала и ведущий популярной телепрограммы. Гостями его передачи становились известные люди, с которыми он вел себя отнюдь не по-джентльменски, в своих «разоблачениях» не брезгуя самыми скандальными слухами и сплетнями. Врагов он нажил себе немало, и отомстить ему мечтали многие. Все новые и новые убийства сбивают полицию с толку, и круг подозреваемых настолько расширяется, что в успешное завершение этого дела уже мало кто верит. Следствие ведут инспектор полиции Петра Деликадо и ее верный помощник Фермин Гарсон — герои детективной серии, которая принесла испанской писательнице Алисии Хименес Бартлетт мировую известность и крупнейшие литературные награды как национальные, так и международные (премии Гринцане Кавур, Рэймонда Чандлера, Надаля, «Планета» и др.).

УДК 821.134.2-312.4

ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-17-099679-7

© Alicia Giménez Bartlett, 2000

© Н. Богомолова, перевод на русский язык, 2017

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Издательство CORPUS ®

УБИЙСТВА
НА ФОНЕ ГЛАНЦА

Глава 1

Утро выдалось невеселое. Огромные тучи, затянувшие небо за последние часы, казалось, вот-вот взорвутся. Воздух был таким влажным, что волосы у меня висели сосульками. И вдруг, ни с того ни с сего, я очень живо представила себе, какое отвратительное впечатление должна производить на окружающих: сорокалетняя женщина, которая начинает свой новый рабочий день, не сохранив в памяти ничего существенного ото дня минувшего. Я вздохнула. Почему, интересно знать, именно сейчас меня так озаботило, как я выгляжу в чужих глазах? Обычно я не особенно задумываюсь о таких вещах, ведь это всегда быстро надоедает и к тому же портит настроение. По сути, все мы представляем собой весьма переменчивую смесь из того, какие мы есть в действительности и какими нам хотелось бы быть. Человек — нечто среднее, образованное из состояния души и состояния тела, генетики и реальной биографии, эмоциональной сферы и, если угодно, питания. Никогда не будут похожи друг на друга швед,

завтракающий бутербродами, и валенсиец, обожающий паэлью. Ничего общего не имеют между собой взгляд многоопытной женщины и взгляд девчонки, у которой еще молоко на губах не обсохло. И никогда не совпадут характеры гипотетической дочери Мэй Уэст и дочери — еще более гипотетической — матери Терезы.

Очень скоро эти мысли начали меня раздражать. Ну ладно, если уж в приступе меланхолии, связанной, возможно, всего лишь с погодой, мне приспичило пофилософствовать, почему было не выбрать тему, более достойную умственных усилий? Я всегда считала себя женщиной неглупой, мало того, меня в должной мере волновали судьбы рода человеческого, так какого же черта теперь я заиклилась на такой ерунде? Однако в то утро никакие разумные доводы на меня не действовали. По моим мозговым извилинам носился, безостановочно наворачивая круги, всего один болид: сейчас меня волновало исключительно то, что другие люди могут составить обо мне весьма убогое впечатление.

И лишь позже, по прошествии времени, я поняла, что это было знаком и предостережением. Лишь тогда мне с бесспорной очевидностью открылась связь событий, и меня охватило бешеное желание кричать на каждом углу, что обо всем, чему суждено было случиться, я загодя была предупреждена. Но для женщины нет ничего более бессмысленного, чем претендовать на роль Кассандры. Окружающие привыкли, что мы любим предсказывать неприятности, им до тошноты скучно выслушивать наши пророчества, а потом сопоставлять их с тем, что про-

изошло на самом деле. Не могу не признать: очень утомительно вечно ждать от будущего одни только несчастья. И еще: предчувствия не имеют под собой никакой научной основы, поэтому, вероятно, по-настоящему серьезных трудов в их защиту написано маловато. При всем при том наш жизненный опыт учит, что они нередко сбываются. Как иначе объяснить, что направление, которое приняли мои мысли тем хмурым утром, вскоре получило отражение в очень необычном расследовании? А точнее, в деле об убийстве, где первостепенную роль играли внешний образ человека, его вид, влияние на окружающих и мнение о нем публики. В деле об убийстве, которое подняло больше пыли, чем караван берберов в пустыне.

Фермин Гарсон довольно бесцеремонно прервал мои размышления. Он вошел в кабинет и, увидев, что я стою у окна и смотрю на улицу, издал звук, который мог означать что угодно. Мы уже какое-то время не работали вместе, но он частенько находил повод заскочить ко мне, чтобы, скажем, порыться в папках со старыми материалами. Пользуясь случаем, мы болтали о всякой всячине, а иногда пили вместе кофе. Как я уже сказала, в тот день с самого утра погода была унылой и хмурой, из-за чего люди ходили раздраженные и мрачные. Заметив, что и мой коллега тоже стал жертвой ненастья, я решила поправить положение, пустив в ход ласку:

- Как у вас сегодня дела, Фермин?
- Ужасно, — пробурчал он. — Голова болит.
- А вы пробовали принять аналгин?
- Пробовал, — огрызнулся он.

— Ну и?..

— Если я говорю, что у меня болит голова, значит, лекарство не подействовало, разве не понятно?

Иными словами, настроение его было не просто пасмурным, нет, судя по всему, пора было объявлять штормовое предупреждение. Между тем мне надое-ло даром растрачивать свою вежливость, и я перешла в атаку:

— А трепанация черепа? Вдруг поможет?

Он резко захлопнул ящик, в котором рылся, и повернулся ко мне:

— Очень вы остроумны, инспектор. Скажу больше, за все время нашего знакомства я не слышал от вас ничего смешнее. Хотя, думаю, вам будет небезын-тересно узнать, что поводов для шуток у нас с вами не так уж и много.

— Правда? Это почему же?

— К нам рикошетом отскочило одно дельце.

— Что?

— Что слышали. Ровно через час комиссар Коронас ждет нас у себя в кабинете — решил устроить сове-щание. Но слухи тут у нас распространяются со ско-ростью лесного пожара, так что я уже знаю, о чем пойдет речь.

— О дельце, отскочившем к нам рикошетом.

— Вот именно.

— Ну и откуда же оно к нам отскочило?

— От инспектора Молинера и его помощника младшего инспектора Родригеса.

Я присвистнула. Всем было хорошо известно, что Молинер и Родригес занимались самыми запу-танными и щекотливыми преступлениями, теми, где

надо проявлять тонкую дипломатию, а в еще большей степени — осторожность. Иными словами, им обычно поручалось расследование любых дел, которые имели громкий общественный резонанс и могли заинтересовать прессу.

— И почему же у них дело забрали? Что у нас говорят по этому поводу?

— Молинер с Родригесом понадобились для другого расследования. Для такого, о котором, насколько можно догадаться, говорить вообще запрещено.

— Но ведь запрет, как правило, только подогревает желание посудачить.

— Еще бы! Так вот, по слухам, нашли тело девушки — девушки, скажем так, не из простых, и имеются серьезные подозрения, что она была любовницей одного важного лица.

— Черт!

— Понятно, что дело сразу поручили Молинеру с Родригесом, а то, которым они занимались, скидывают нам с вами вроде как по наследству.

— Но, надо думать, оно тоже не из рядовых, если сначала его вели эти наши “звезды”. Так о чем все-таки речь?

— Не знаю.

— С ума сойти! Что же получается? Вы не знаете именно того, что вам, как ни крути, знать должно быть позволительно.

— Шептунов мало интересуется то, что не таит в себе никаких загадок.

— И сколько времени Молинер с Родригесом занимались “нашим” делом?

— Всего пару дней.

— Тогда я не понимаю, почему это наследство так вас нервирует. У нас еще есть возможность взяться за него по-своему.

— Да, но, как вы знаете, мне всегда неприятно включаться в работу, к которой уже приложили руки другие.

— Это называется синдромом девственности, и свойствен он обычно людям с кучей предрассудков, ну, скажем так... людям косным и непродвинутым.

Моей целью было разозлить Гарсона, хотя на самом деле я вполне разделяла его опасения. Если ты не присутствовал при самых первых полицейских мероприятиях, это может сильно затруднить дальнейшую работу. Не исключено, конечно, что позиция эта ошибочна и пристрастна, но если кто-то уже начал вести следствие с опорой на собственные методы, будет нелегко определить, лучше эти методы, чем твои, или хуже, и еще труднее — почти невозможно — будет вернуться на старт и повторить пройденный путь, по-своему интерпретируя факты. Кто-то возразит мне, что работа полицейских не относится к разряду творческих, поэтому, очень даже вероятно, существует один-единственный путь для продвижения вперед — тот, который подсказывают улики. Однако рассуждать так — все равно что признать: все мы, сыщики и детективы, скроены на один манер, и в наших методах нет и намека на что-то свое, неповторимое.

Нет, нельзя позволять себе такие горькие мысли, когда ты приступаешь к новому делу, да еще в такой унылый день, да еще со слипшимися от уличной сырости волосами. Ни в коем случае! Пока мы шли

к кабинету комиссара Коронаса, я заставляла себя поверить, что расследование, которым мы в ближайшее время займемся, будет отмечено нашим фирменным знаком, особой маркой творца и художника или, по крайней мере, личным клеймом мастера, поднаторевшего в своем ремесле. И я не ошиблась. Мы не только огнем выжгли наши инициалы на материалах этого дела, оно еще и принесло нам если не славу, то, во всяком случае, известность среди коллег. Хотя, признаюсь, лучше бы этой известности было поменьше.

— Знаете, кого обычно называют сукиным сыном? — спросил комиссар Коронас, таким вот необычным образом вводя нас в курс дела.

Гарсон поспешил с ответом:

— Знаем, само собой.

Я же пустилась в канительные и никому не нужные рассуждения:

— Ну... как вам сказать. Как ни странно, но в действительности самые страшные оскорбления, обращенные к мужчинам, непременно падают и на голову женщины. Вот скажите мне, комиссар, неужели из-за того, что какой-то тип оказался негодяем или даже извергом, надо непременно полить грязью еще и его мать?

Коронас поднял руку, пытаясь притормозить мою диалектическую колесницу:

— Не стоит вытаскивать мои слова из контекста, Петра, попробуйте отнестись к этому выражению как к общепринятому. Итак, знаете ли вы, кто такой сукин сын?

— Да.

— Так вот, убийством одного такого сукина сына вам и предстоит заняться. Его нашли мертвым в собственной квартире два дня назад, он застрелен. А потом, как говорится в заключении судмедэксперта, ему еще и перерезали горло, вернее, начисто отрезали голову... обезглавили. Убийство с особой жестокостью.

— Так обычно и умирают сукины дети, — со вкусом припечатал младший инспектор.

Но я опять же, хотя и не сочла нужным вступать в открытый спор, не была согласна с таким выводом. Всем хорошо известно, что сукины дети отнюдь не всегда умирают так, как они того заслуживают. Мало того, как я давно заметила, настоящие, чистопородные, так сказать, сукины дети являют собой пример весьма тревожной тенденции — они, вопреки справедливости, отличаются особой живучестью и, рискну отметить, даже склонны к долгожительству.

— Его убили в полночь и, чтобы попасть в квартиру, использовали старый трюк — убийца назвался разносчиком пиццы. Работа сделана в своем роде очень профессионально. Почти никаких следов борьбы, хотя жертва и оказала сопротивление, судя по тому, что на полу валялись лампа и стакан. Но это практически все. Вряд ли удастся обнаружить что-нибудь еще. Есть, правда, одно свидетельство, но оно не заслуживает большого доверия. Соседка видела, как из подъезда вышел хорошо одетый мужчина, потом он побежал. Она признается, что не смогла бы узнать его, так как живет на пятом этаже, а видимость была слабой. Итак, это дело — для очень знающих работников, для людей опытных и не лишенных воображения.

— Таких, как Молинер и Родригес, — ехидно вставил Гарсон.

— У них есть чем заняться, — парировал Коронас. — Но если вам это дело кажется слишком мелким для вашего послужного списка, я всегда могу направить вас разбираться с пьяной уличной дракой, в которой еще не все до конца прояснено.

— Нет, комиссар, вы неверно меня поняли. Я имел в виду другое: лично я надеюсь быть достойным столь выдающихся предшественников. И, как мне кажется, инспектор Деликадо испытывает те же чувства.

— Что бы вы ни думали про своих предшественников, лучше скажите им об этом в лицо. Кстати, как раз сейчас они ждут вас в соседнем кабинете — там и состоится передача эстафеты.

Метафора прозвучала неудачно, если учесть, что речь-то шла об убийстве, правда, не слишком уместной была и реплика Гарсона. Прежде всего потому, что наши коллеги Молинер и Родригес никогда не кичились своим звездным статусом в нашем комиссариате. А если когда и важничали, то это объяснялось тем, что они были настоящими полицейскими. Я, само собой, не хочу сказать, будто мы с Гарсоном полицейские липовые. Нет, но почему-то я расцениваю его и себя как обычных людей, которые в свои рабочие часы выполняют служебные обязанности, но не более того. Совсем иное дело Молинер и Родригес: в глину, из которой они были слеплены в день творения, Господь вдохнул именно душу полицейских. Никто не умеет носить пиджак так, как они, — небрежно и в то же время молодцевато; никто не обращается так ловко с подозреваемыми, которым

они с первой встречи внушают уважение. Что касается лексики и жаргона, то я тысячи раз спрашивала себя, как получается, что слова, которыми я вроде бы тоже нередко пользуюсь, в их устах звучат так, словно их произносит Хамфри Богарт в лучшей из своих ролей. Даже после изнурительных тренировок мне не достичь подобного блеска. Вот так обстоят дела, и если бы надо было сохранить на века в Севре¹ двух полицейских в качестве платинового эталона, это были бы Молинер и Родригес; и если бы Ной в своем ковчеге решил спасти еще и представителей разных профессий, Молинер и Родригес непременно пережили бы потоп.

— Значит, какой-то сукин сын? Так сказал вам Коронас? — засмеялся инспектор Молинер, начиная совещание. — Что ж, он не далек от истины, можете мне поверить. А сами вы как считаете?

— Вы о чем? — спросила я в полном недоумении.

— Но вы ведь знаете убитого, наверняка знаете! Это Эрнесто Вальдес.

— Нет! — вскрикнул Гарсон, словно неожиданное известие поразило его в самое сердце.

— Да! — бросил в ответ Родригес, наслаждаясь тем, что именно от них мы получаем такую потрясающую новость.

— Но как же... Почему же в прессе до сих пор не появилось никаких сообщений?

¹ В Международном бюро мер и весов в городе Севре близ Парижа с 1889 года хранится международный эталон килограмма — цилиндр из сплава платины и иридия. (Здесь и далее — прим. перев.)

— Послушай, Фермин, ты ведь знаешь, что у нас в арсенале имеются свои средства, чтобы чуть притормозить развитие событий! Но бомба вот-вот взорвется. А вам я могу только посочувствовать, потому что...

Не в силах больше сдерживаться, я весьма невежливо оборвала его:

— Минутку, минутку, если я правильно поняла, вы трое знаете, кто такой этот Эрнесто Вальдес?

Все взоры обратились ко мне, и в них читался вопрос: каким образом попала на их совещание эта инопланетянка? Молинер взял инициативу в свои руки:

— Ну, Петра, не можешь же ты не знать, что Эрнесто Вальдес — журналист *number one* в розовой прессе¹.

— Представьте себе, я этого не знаю, — отрезала я с тем душевным спокойствием, которое испытывает человек, не растерявшийся, услышав имя знаменитого философа.

Родригес оживился:

— А вы хоть когда-нибудь смотрите телевизор, читаете газеты... или, может, листаете какие-нибудь журналы в парикмахерской?

— Она читает только ученые книги и слушает Шопена, — в тон ему пояснил Гарсон.

¹ В Испании приняты свои термины для обозначения разных типов массовой прессы. “Розовая пресса” (ее также называют “сердечной прессой” — *prensa del corazón*) главным образом посвящена сплетням о жизни известных людей. И хотя такое название призвано подчеркнуть ее отличие от прессы “желтой”, граница между ними очень часто практически неразличима. Понятие “розовой прессы” охватывает также телевизионные передачи сходной тематики.

Молинер положил конец подтруниванию, которым увлеклись наши подчиненные, и при этом, безусловно, принял во внимание мои должность и характер:

— Нас просто удивило, что ты не слышала этого имени, ведь об Эрнесто Вальдесе можно узнать не только из розовой прессы. Понимаешь, он был одним из тех агрессивных и неистовых журналистов, чьи статьи и передачи потом долго комментируют во всех изданиях. Он всегда брался за самые скандальные темы: тайные браки, разводы, интрижки между знаменитостями, ну, сама знаешь, о чем я.

— А, это тот тип, который буквально поливал грязью людей, которых приглашал в свою программу?

— Он самый. Вальдес работал на телевидении и еще в паре журналов.

— Из чего его застрелили? — спросил младший инспектор.

— Из девятимиллиметрового пистолета-пулемета. Очень точный выстрел в висок — наверняка работа профессионала.

— Да разве киллер стал бы отвлекаться на то, чтобы еще и отрезать жертве голову?

— Иногда они получают сложные заказы.

— Но сначала он выстрелил?

— Судя по результатам вскрытия, да.

— Тогда он рисковал, оставаясь еще на какое-то время на месте преступления, чтобы поработать ножом.

— Может, кто-то заплатил ему, чтобы убийство выглядело еще и как месть...

— Это ваша версия?

— Должен честно тебе признаться, что пока у нас нет никаких версий. Просто людей, с которыми расправились подобным образом, очень и очень много. Иначе говоря, месть никак нельзя исключать.

— Пожалуй, и вправду нельзя.

— Только представь себе: он публиковал сведения о людях без их разрешения. Разнюхивал разного рода подробности их частной жизни. Он был человеком... Как бы лучше выразиться? Достаточно безнравственным в рамках своей профессии.

— Мне больше нравится определение, данное комиссаром, — сказал Родригес.

— Тем не менее преступление остается преступлением, — заявил Молинер не без иронии.

— А как свидетельница описала убежавшего человека?

— Высокий, хорошо одетый, атлетического сложения, бежал легко. Больше ничего конкретного она не смогла добавить. Поэтому тут надо быть предельно осторожными и воспринимать такое свидетельство с оговорками.

— Ну и в какой точке расследования вы находитесь?

— В мертвой. У нас есть протокол вскрытия, заключение баллистической экспертизы и показания предполагаемого свидетеля. Теперь пришла пора начинать действовать.

— А окружение убитого?

— Он жил один. С женой развелся семь лет назад. Дочери скоро восемнадцать, она живет с матерью. Нет никаких сведений о близких друзьях или хотя бы приятелях. Он всего себя отдавал работе.

— А с бывшей женой вы беседовали?

— Пока еще нет.

— Но ты склонен подозревать скорее кого-то из его профессионального круга?

— Боюсь, что так, хотя это сильно усложняет дело. Короче, добро пожаловать в мир шика и гламура! У тебя есть вечернее платье, Петра?

— Я всегда сплю в пижаме.

— А вы, Фермин, вы сможете отыскать в своем шкафу смокинг?

— Нет, я уже давно бросил курить¹.

Молинер от души рассмеялся. Создавалось впечатление, что, передавая нам этого покойника и все с ним связанное, они скидывали с плеч тяжкий груз. Но я пока не спешила сделать вывод, хорошим или плохим наследством было для нас это дело. Выводы будем делать позднее. К тому же как раз сейчас следовало ожидать еще каких-нибудь событий: появления новых свидетелей, писем с доносами... Третий день после убийства — это пока чистая тетрадь, пиши в ней что твоей душеньке угодно. Да и Молинеру с Родригесом я не завидовала. Убитую девушку нашли неделю назад, но, как только поползли слухи, что она была подружкой высокопоставленного чиновника, дело тотчас забрали у тех, кому оно поначалу досталось, и передали Молинеру. Еще один рикошет.

— Ну и что вы про все это думаете, Петра? — словно угадав мои мысли, спросил Гарсон.

¹ Намек на то, что “смокинг” (от *англ.* smoking jacket) буквально означает “пиджак, в котором курят”.

— Ничего конкретного. Мне кажется, надо отправляться в путь.

— Для начала — визит вежливости?

— Да, хоть нас никто и не приглашал.

Я всего несколько раз видела Вальдеса по телевизору, и он показался мне отъявленным мерзавцем. Он произвел на меня настолько отвратительное впечатление, что выделить и объективно оценить только физические черты этого человека было практически невозможно. Я помнила Вальдеса смутно: угрюмый взгляд, крючковатый нос, жиденькие усишки и рот, как у деревенской старухи, которая денно и нощно изрыгает проклятия. Короче, вид тошнотворный. Поэтому смерть в какой-то мере даже придала ему благообразия. Он лежал в морге в своей ячейке, упакованный в пластиковый чехол, как личинка в коконе, и выглядел, пожалуй, даже вполне по-человечески. Мы сразу увидели отверстие на левом виске и шрам на шее — врачи очень искусно вернули голову на прежнее место. Бескровное лицо ничего не выражало.

— Наконец-то он замолчал, — бросил в сторону Гарсон.

— *Per secula seculorum*¹.

— Сразу возникает вопрос: а не для того ли его и убили, чтобы он раз и навсегда замолчал?

— Есть еще один вопрос в противовес вашему: а может, его убили за то, что он успел слишком много наговорить?

1 На веки вечные (лат.).

— Совершенно верно. Этот выстрел явно наводит на мысль, что кто-то хотел устранить опасность: мертвый не заговорит. Но столь жестокая мера, как обезглавливание, слишком похожа на месть.

— Итак, это два возможных пути для следствия, Фермин. Хотя я бы не рискнула сбрасывать со счета и сферу личных отношений.

— Ее никогда не следует сбрасывать со счета.

— А как вы думаете, этот тип стал бы возражать против осмотра его жилища?

— Как мне сказали, там мало что осталось. В письменном столе лежали какие-то бумаги, очень немного, их увез в комиссариат Родригес. Кстати, этот треклятый Вальдес не пользовался дома компьютером.

— Не важно, мне хочется взглянуть на то, как он жил. У вас есть с собой отчет Молинера и Родригеса?

— Да.

— Отлично, вот мы и сравним его с действительностью.

Наверное, я больше склонна к избитым штампам, чем мне хотелось бы признать, но я и на самом деле ожидала увидеть нечто иное, когда мы входили в квартиру Вальдеса. Не знаю, как выразить это точнее, но картина, заранее нарисованная моим воображением, соответствовала чему-то среднему между антуражем черного американского романа и убогостью общего двора при многоквартирном доме. И я грубо ошиблась. Логово этого хищника от журналистики было разубрано с таким же старанием, как комната новобрачной. Шторы с рисунком в тон дивану, стены кремового цвета, неброские ковры, огромные банты на чехлах для стульев и висящие повсюду большие

шелковые кисти. Если утверждение “Дом всегда расскажет о личности хозяина” верно хотя бы в малейшей степени, то в случае Вальдеса тут что-то не склеивалось. Или эта квартира не служила ему жилищем, или этот человек был совсем не таким, каким казался.

— Ну и что вы скажете про эту красоту?

Гарсон пожал плечами и сквозь зубы процедил:

— По-моему, пошло и безвкусно. Разве нет?

— Даже чересчур, я просто глазам своим не могу поверить. Кроме того, здесь ведь все совершенно новое. Словно квартиру обустраивали совсем недавно.

— Это что, важно?

— Сам собой напрашивается вывод о какой-то перемене в жизни Вальдеса.

Мой коллега посмотрел на меня с большим недоверием. Я стала допытываться:

— Вот вы, Фермин, при каких обстоятельствах вы сменили бы у себя дома шторы?

— А я никогда их не менял. У меня по-прежнему висят те, что вы посоветовали мне купить, когда я снял квартиру.

— Хорошо, но давайте абстрагируемся от вашего конкретного случая: когда бы вы могли их сменить?

Он долго думал, словно этот простой вопрос был для него потруднее алгебраической задачи.

— Ну... — пробурчал он наконец, — ну, я бы повесил новые, если бы старые сожрала моль.

— Нет, с вами просто невозможно разговаривать, Фермин!

— Почему это?

— Да потому! Потому что нет такой моли, которая кидается на вещи стайей, как эскадрон смерти, и пото-

му что вы должны были ответить совсем по-другому! Хотя все равно от вашего ответа толку будет мало. Короче, вы сменили бы шторы только в случае самой крайней необходимости, так ведь?

— Наверное, так.

— А уж все целиком и полностью в своей квартире поменяли бы только после землетрясения.

— Не пойму, к чему вы клоните.

— К тому, что должна быть очень веская причина для того, чтобы разведенный мужчина, к тому же по горло занятый работой, решил навести у себя такой блеск.

— Женщина?

— Да, допустим, причина в женщине, с которой он планировал соединить свою жизнь. Как вам моя гипотеза?

— Мне бы и за тысячу лет до такого не додуматься.

— Да, и вы бы предпочли, чтобы я тоже еще тысячу лет ни о чем таком не заговорила.

— Если честно, инспектор, то мне ваша линия расследования — ну, которая идет от того, что кто-то вздумал поменять у себя мебель, — кажется, по меньшей мере... весьма легкомысленной.

— Очень верно замечено! Только вы забываете, что если легкомыслие и не лежит в основе каких-то событий, то очень часто бывает их мотором. Понимаете?

— С тех пор как я узнал, что моль — это тоже вид на грани исчезновения, я потерял способность думать.

— Кстати, а вы знаете, что еще означает слово “моль” в Перу?¹

1 Испанское слово *polilla* (“моль”) в Перу имеет дополнительный смысл: так называют женщину, которая старается выкачать из мужчин побольше денег — “пожирает их карманы”.

— Помилосердствуйте, инспектор! Давайте лучше вернемся к сути дела.

Пока мы выходили из дома Вальдеса и ехали в комиссариат, я продолжала изображать мольеровскую ученую женщину¹ — главным образом чтобы позлить Гарсона. Мне нравилось время от времени выводить его из себя. Иначе мы бы уже давно пришли к такому полному взаимопониманию, что нам не о чем было бы спорить и ему стало бы скучно. Кроме того, он мне подыгрывал, и это мне нравилось еще больше. Нет ничего интереснее для женщины, чем мужчина — отец, друг, муж или товарищ по работе, — который терпит ее насмешки и даже находит в них своеобразное удовольствие.

Бумаги Вальдеса, доставленные из его квартиры, и на самом деле лежали на столе в моем кабинете и составляли довольно пухлую пачку. Тщательно изучив их, мы убедились: в руки нам не попало ничего, чего не нашлось бы в доме любого современного горожанина: квитанции, страховые полисы, банковские чеки и справки, налоговые декларации за предыдущие годы, ценные бумаги, официальные документы... Ничего необычного или заслуживающего особого внимания. Молинер и Родригес уже успели тщательно проверить телефонные звонки Вальдеса. Все нормально: контакты с теми местами, где он работал, — телевидением и журналами, — а также заказы готовой еды и звонки бывшей жене... Наши предшественники не отметили деталей, которые могли бы и нам показаться подозрительными. С банковскими

1 Отсылка к комедии Жана-Батиста Мольера “Ученые женщины” (1672).

счетами также все выглядело вроде бы безупречно. Никаких задолженностей, стабильные поступления. Почерком Молинера в отчете было добавлено, что они сопоставили суммы поступлений с официальными доходами Вальдеса — все совпадало. Образцовый гражданин? Да, так выглядит подавляющая часть наших соотечественников, но не следует торопиться с выводами.

Решив все-таки не отказываться от своего “легкомысленного” подхода, я стала рыться в счетах и квитанциях, отыскивая те, что были получены в мебельных магазинах или отделах товаров для дома. И нашла — не совсем то, но все-таки нашла — счет от дизайнера: “Хуан Мальофре. Стилист и дизайнер. Полный дизайн интерьеров”. Вальдес задолжал ему три миллиона песет¹. Мастерская находилась в Бонанове². Я попросила Гарсона, настроенного все еще весьма скептически, проверить по банковским счетам Вальдеса, заплатил он или нет примерно с месяц назад эту сумму дизайнеру. Гарсон с покорным видом отправился выполнять мое задание, а я тем временем открыла конверт, в котором, как поместили наши предшественники, хранился важный документ — записная книжка Вальдеса. Но уже сам тот факт, что убийца и не подумал прихватить ее с собой, убираясь из квартиры, с очевидностью подсказывал: на этих страницах с именами и номерами телефонов, записанными мельчайшим

1 При переходе Испании на евро (1999 г.) курс составлял около 166 песет за евро, то есть 3 000 000 песет соответствовали в то время примерно 18 000 евро.

2 *Бонанова* — элитный квартал Барселоны.

почерком, мы не обнаружим даже намеков на мотивы преступления.

Когда Гарсон вернулся, я сказала ему об этом, из чего он мгновенно сделал вывод:

— Тогда скорее его убил не тот, кто хотел помешать распространению некой информации. Получается, что на первый план выходит мотив мести. Если только убийца не знал наверняка, что в записной книжке не содержится ничего, что могло бы его выдать.

— А что интересного может содержаться в записной книжке человека, который боится даже компьютером пользоваться, чтобы никто не докопался до его секретов?

— Вы забываете, что убийцей, скорее всего, был профессионал, а киллеры — люди крайне жестокие. Допустим, ему поручили именно отомстить, и тогда он уже больше ни на что не обращал внимания. Но вдруг в книжке было бы навалом важнейших сведений?

— Очень в этом сомневаюсь, а теперь скажите, Гарсон, много ли вам известно про мир киллеров?

Младший инспектор предпочел отшутиться:

— Это не моя специальность. — Потом переключился на другую тему: — Послушайте-ка, Петра, а тут ведь ничего такого нет.

— Чего нет?

— Вальдес не снимал в последний месяц со своего банковского счета трех миллионов и не подписывал чека на эту сумму — ни на имя Мальофре, ни на предъявителя.

— Вот это уже интересно, правда?

— Выходит, и вправду задолжал.

— Придется проверить. Так что поехали!

— Куда?

— Надо повидаться с бывшей женой Вальдеса.

— Как вы думаете, она очень горюет?

— А вы бы горевали?

— Вряд ли. Если бы я был бывшей женой Вальдеса, я отметил бы такое событие шампанским.

— Ох, напрасно вы так. Обратили внимание, какую кучу денег он переводил ей каждый месяц?

— Обратил, и вправду кучу. Черт возьми! И как этому типу удавалось зарабатывать такие деньжищи, копаясь в грязи?

— Как раз в грязи-то и отыскивают жемчужины! А вы не знали?

— Кажется, их можно найти где угодно, только не в комиссариате! Вот вы, Петра, например, могли бы потратить три миллиона песет на новую мебель для гостиной?

— Нет! Даже если бы на меня напала целая армия свирепой моли!

Он метнул на меня сердитый взгляд, но, когда я рассмеялась, тоже не сдержал смеха.

Бывшая жена Вальдеса жила в роскошной части Сант-Кугата, в доме с садом. Когда мы вошли, к нам кинулись два лабрадора и облизали руки. Марта Мерчан была высокой и весьма привлекательной женщиной, но на лице ее словно навсегда застыла гримаса страдания или просто дурного настроения. И тем не менее назвать ее неприятной язык бы не повернулся.